

Юлий Ставропольский

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИНГРУППОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: АМЕРИКАНО-РОССИЙСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Кросскультурная психология как ведущее направление психологии XXI века

Кросскультурная психология рассматривается за рубежом в качестве четвертой силы в психологии, которой суждено стать ведущей психологической силой в XXI веке. Несмотря на то, что выдающиеся российские психологи Л.С. Выготский и А.Р. Лурия во всем мире признаются в качестве основоположников и первопроходцев кросскультурной психологии, в России кросскультурная психология не получила полномасштабного развития.

Игнорирование кросскультурной перспективы приводит тому, что научное обсуждение проблем идентичности в современных мультикультурных сообществах ограничено конкретной исследовательской проблематикой, не основано на строгой методологии и не образует логически последовательного и внутренне структурированного научного поля. Научные дискуссии, которые возникают на различных уровнях, связаны либо с социальными, либо с личностными аспектами проблематики идентичности и не способствуют интегрированному обобщению имеющегося корпуса исследований.

Кросскультурные исследования идентичности как личностного и социального феномена

Исследования культуры и «я»-концепции также значимым образом согласуются с идеей о том, что идентичность – это и личностный, и социальный феномен. Кросскультурные различия – это скорее вопрос степени, чем качества. Кросскультурная перспектива возродила интерес к социальным аспектам «я» и к тому, в какой степени люди определяют себя в смысле своих отношений с другими людьми и с социальными группами. Центральная идея этой перспективы состоит в том, что идентификация – это не просто аффилиация и альянсы между «я» и другими, но предполагаются фундаментальные различия в том, каким способом конструируется «я». Социальное «я» репрезентирует расширение «я»-концепции до чего-то более инклюзивного, нежели индивидуальная личность.

Основной вопрос социальной психологии – это вопрос о том, *почему* люди общаются друг с другом. Несмотря на долгую историю исследования феномена идентичности, логически последовательная психология идентичности не сложилась.

Цель и задачи исследования

Задачами нашего исследования стали: проведение факторного анализа ингрупповой этнокультурной идентификации российских и американских респондентов; определение психологического наполнения факторов, образующих комплекс идентификационных «мы»-аспектов; сопоставление полученных факторов в обеих выборках с целью установления межкультурных сходств и различий в ингрупповой этнокультурной идентификации.

Выборка

Эмпирическую базу исследования составили данные серии исследований, проведенных автором в 2001 и 2005 годах. Всего нами были опрошены в 2001 году 202 респондента в США в Международном центре научных исследований имени Вудро Вильсона, одним из подразделений которого является Институт перспективных российских исследований имени Дж. Кеннана (город Вашингтон, округ Колумбия), и в университете штата Мэриленд (город Колледж-Парк, штат Мэриленд). Во второй части нашего исследования, осуществленной в России в 2005 году, были опрошены 244 респондента из числа студентов Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Методы исследования

Эмпирическое исследование реализовывалось с помощью комплексного (последовательного) использования количественных методов: корреляционного, дисперсионного и факторного анализа. Общий план эмпирического исследования согласуется с моделью измеренных этнических коррелятов, принятой в кросскультурной психологии.

За основу для предложенной испытуемым анкеты были взяты опросники Multigroup Ethnic Identity Measure (автор Дж. Финни) и опросник AIQ-III Aspects Identity Questionnaire (авторы Дж.М. Чик и Л.Р. Тропп). Полученные методом анкетного опроса данные были подвергнуты статистической обработке при помощи компьютерной программы SPSS for MS WINDOWS Release 6.1. Определялись значения средних величин и стандартных отклонений для переменных из этих опросников. Нами был применен метод главных компонент, позволяющий выделить факторы из массива данных. В SPSS for MS WINDOWS Release 6.1 предусмотрена проверка теста Бартлетта (Bartlett) о сферичности распределения данных. Проверка теста Бартлетта подтвердила многомерную нормальность распределения полученных нами данных. Для повышения интерпретируемости факторов методом варимаксного вращения (нормализация по Кайзеру) была улучшена контрастность матрицы факторных нагрузок.

«Я»-идентичность как деятельностный диалогический процесс социализации

Начиная с теории Л.С. Выготского об опосредованном действии [1], среди приверженцев разных концепций отмечается возврат интереса к исследованиям социализации [2]. С позиций культурно-исторической теории Л.С. Выготского, «я» – лингвистический процесс, это всегда деятельность [3]. Деятельностный (функциональный) подход к развитию «я» обладает преимуществом, а именно: процессы социализации локализуются в формах и функциях повседневного дискурса. С этой точки зрения «я» предстает диалогическим процессом, постоянной основой которого оказывается межличностный интерактивный диалог с самим собой и с другими. Этот диалогический процесс является рефлексивным – он совершается в переходах от настоящего (субъективное «я») к прошлому (объективное «я») и к будущему («ты»).

В структуре переменных, образующих ингрупповую этнокультурную идентичность американских и российских респондентов, присутствуют, во-первых, активные действия; во-вторых, эмоции и субъективные переживания, связанные с принадлежностью к этнокультурной ингруппе.

«Мы»-аспекты ингрупповой идентичности

С целью исследования структуры «мы»-аспектов ингрупповой идентичности американских и российских респондентов нами был применен метод главных компонент, позволяющий выделить факторы из массива данных. В обеих группах респондентов выявлены два психологических фактора.

Когнитивная идентификация с ингруппой

Фактор 1 коррелирует прежде всего с психологическими переживаниями индивида по поводу своей этнокультурной принадлежности, вызванной *когнитивной* идентификацией с ингруппой, и не связан либо весьма слабо связан с совершением конкретных действий, необходимо вытекающих из идентификации с ингруппой, а также с совершением таких действий, связанных с осознанием собственной принадлежности к ингруппе, которые потенциально способны отразиться на судьбе человека, идентифицирующего себя с ингруппой. Поэтому мы назвали фактор 1 фактором «внутриличностной вовлеченности в ингруппу».

Межличностная вовлеченность в ингруппу

Переменные, образующие структуру фактора 2, выражают *объективное «мы»*, поэтому мы назвали фактор 2 эксплицитной личностной идентичности американских респондентов фактором «межличностной вовлеченности в ингруппу».

По мере развития этнокультурной идентичности от стадии иммерсии к стадии синергетического присоедине-

ния и принятия культур через стадию интроспекции [4], то есть от статуса предрешенной идентичности к статусу достигнутой идентичности (в терминологии статусного подхода Дж. Марсии), значение фактора 2 «межличностная вовлеченность в ингруппу» для личности будет ослабевать, поскольку такой статусный подход и развитие личности в указанном направлении сопровождается уменьшением зависимости личности от ингруппы и возрастанием личностной автономии, в противовес личностной гетерономии, следовательно, значение фактора 1 «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» для личности, по мере совершения процесса становления автономной идентичности, будет возрастать.

Личность
в этнокультурной
ингруппе

На стадии синергетического принятия культур личность сохраняет лояльность и преданность по отношению к этнокультурной ингруппе, но не считает обязательным для себя следовать нормам и ценностям этнокультурной ингруппы. Определяющим мотивом поведения человека на стадии синергетического принятия культур становится признание приоритета уникальной индивидуальности каждого человека и автономности человеческой личности. В результате этого процесса влияние на личность фактора 2 «межличностная вовлеченность в ингруппу», предполагающего открытие личностью новых альтернатив идентичности, будет ослабевать по мере приближения к состоянию статуса достигнутой идентичности.

В американской выборке фактор 1 «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» коррелирует с теми переменными, которые отражают не эмоционально-аффективный аспект имплицитной групповой идентификации, а *когнитивный аспект*. Мы предполагаем, что в американской выборке когнитивное осознание менее способствует переживанию положительных эмоций в отношении этнокультурной ингруппы, нежели степень близости и тесных связей с ингруппой. Иными словами, позитивные эмоции и позитивное самоотношение в связи с ингрупповой самоидентификацией возникают в американской выборке на основе тесных отношений с другими представителями ингруппы, а не на основе рефлексии по поводу этих отношений. Когнитивное осмысление этногрупповой самоидентификации может в половине случаев вызывать позитивные эмоции, а в половине случаев – негативные эмоции.

Культурное
со-участие личности
в ингруппе

Активное *со-участие* в ингруппе сильнее всего связано с субъективным переживанием привязанности и с объективным поддержанием культурных традиций

ингруппы. Иными словами, культурное «со-участие», причастность к ингруппе и вовлеченность в нее неразделимы с внутриличностным переживанием «со-участия» причастности к ингруппе и к вовлеченности в нее. Внутриличностное и межличностное «со-участие», причастность и вовлеченность в ингруппу тесно между собой связаны, тем самым подтверждается принципиальное положение культурно-исторической теории развития высших психических функций Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое рождается из интерпсихического [5].

Личностная идентичность и автономность затемняются групповой самоидентификацией

Активная вовлеченность в ингруппу, проявляющаяся в конкретных действиях, направленных на сближение с членами ингруппы, сопровождается активизацией эмоциональной и когнитивной сфер личности. Идентификация с ингруппой представляется такому человеку, который тесно вовлечен в активную деятельность, обусловленную этой идентификацией, естественной и самой собой разумеющейся, не предполагающей иных альтернатив. Соответственно, минимальным становится обдумывание личностью альтернатив самоидентификации, сознание такой личности менее развито. Скорее всего, речь идет о статусе предрешенной идентичности (Дж. Марсиа) или о стадии иммерсии (Д. Эткинсон, Дж. Мортен, Д. Сью), для которой характерно сильное чувство гордости от идентификации себя с ингруппой. Личностная идентичность и автономность оказываются затемнены групповой самоидентификацией. Нашими данными подтверждается утверждение Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое возникает из интерпсихического.

Позитивная самоидентификация через этнокультурную принадлежность в американском обществе

Высокий уровень позитивного самоотношения вследствие осознания собственной этнокультурной принадлежности характерен не только для специфических недоминантных этнокультурных ингрупп в американском обществе (афроамериканцы, латиноамериканцы, американцы азиатского происхождения), но и для представителей достаточно аморфной и в определенной степени искусственно образованной неспецифической недоминантной ингруппы американских респондентов – потомков смешанных браков. Высокий уровень позитивного самоотношения, производный от осознания культурной и этнорасовой принадлежности, среди последних можно объяснить осознанием уникальности собственной гетерогенности и своей нетождественности другим этнокультурным группам американского общества. Требуется признать, что для (внутриличностной) самоидентификации приоритетное значение имеет осоз-

вание собственной культурной и этнорасовой специфичности, осознание своей особенности – это и есть самоидентификация.

Единство когнитивного и эмоционального аспектов этнокультурной самоидентификации

Осознание собственной культурной и этнической идентичности сопровождается позитивным самоотношением независимо от того, с какой именно этнокультурной группой идентифицирует себя личность – доминантной или недоминантной, конкретной или условной. Неточным было бы сказать, что осознание идентичности влечет за собой позитивное самоотношение. Точнее сказать, что *осознание своей культурной и этнической принадлежности на когнитивном уровне проявляется как позитивное самоотношение на эмоциональном уровне*. Самоидентификация переживается позитивно, даже если это самоидентификация с недоминантной культурой. Отсутствие самоидентификации на когнитивном уровне (маргинальная или диффузная идентичность) переживается негативно на эмоциональном уровне. Единый феномен самоидентификации имеет два нерасторжимых аспекта: когнитивный (осознание культурной и этнической принадлежности) и эмоционально-аффективный (позитивное самоотношение).

Отсутствие корреляций между этнокультурной принадлежностью к определенной ингруппе и позитивным самоотношением заставляет предположить, что этнорасовая принадлежность и позитивное самоощущение, которое продуцируется вследствие ее осознания, – это не две особые переменные, а две грани одной и той же переменной: с одной стороны, идентичность и этногрупповая принадлежность как феномен, а с другой стороны – феноменальное осознание идентичности и ингрупповой принадлежности и неотделимое от него позитивное самоотношение.

Усиление процессов социального сравнения с увеличением межкультурной дистанции

Большая степень осознанности этнокультурной идентичности на групповом уровне среди представителей конкретных этнокультурных групп, не идентифицирующих себя с доминантной культурой, объясняется степенью дистанции от доминантной культуры и герметичностью либо транспарентностью ингрупповых границ. Очевидно, что *с увеличением межкультурной дистанции усиливается действие механизма, который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения* [6]. По этой причине наиболее категоричные ответы были получены от респондентов, принадлежащих к этнокультурной группе, наиболее контрастной по сравнению с доминантной культурой, где межкультурная дистанция между этой ингруппой и доминантной культу-

Особенности афроамериканской и латиноамериканской этнокультурных инग्रупп

Внутриличностная вовлеченность в инग्रуппу представителей неспецифических этнокультурных инग्रупп американского общества

рой наибольшая, соответственно, процесс социального сравнения действует наиболее интенсивно и усиливает осознание групповой идентичности и вовлеченность в инग्रуппу на межличностном уровне. Речь идет прежде всего об афроамериканцах.

Однако по причине того, что за истекшие несколько столетий собственно африканская культура была во многом утрачена самими афроамериканцами, афроамериканская этнокультурная инग्रуппа во многом диффузна. Поэтому наиболее уверенные и максимальные показатели осознанности групповой идентичности и межличностной вовлеченности в инग्रуппу были нами получены у представителей этнокультурной инग्रуппы с наиболее герметичными инग्रупповыми границами – у латиноамериканцев.

Промежуточную позицию между этими двумя ингрруппами – афроамериканской и латиноамериканской – занимает ингрруппа, межкультурная дистанция которой от доминантной культуры не столь значительна, как у афроамериканцев, а герметичность ингррупповых границ не столь непроницаема, как у латиноамериканцев, – это американцы азиатского происхождения.

Наибольшую внутриличностную вовлеченность в ингрруппу можно констатировать у представителей неспецифических этнокультурных ингррупп американского общества, не принадлежащих к доминантной белой культуре: среди латиноамериканцев доля респондентов, при ответе на соответствующие утверждения выбравших варианты альтернатив «согласен» и «абсолютно согласен», то есть констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингрруппу, высокая и стабильная (от 79,0% до 100,0%), так же как и среди афроамериканцев (от 84,5% до 96,6%). Среди американцев азиатского происхождения доля респондентов, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингрруппу, по различным аспектам данного психологического фактора идентичности находится в пределах от 72,4% до 89,7% – достаточно высокая и так же стабильная.

Доля респондентов, представляющих неспецифическую недоминантную этнокультурную ингрруппу американцев – потомков смешанных браков нестабильна и варьируется в широком диапазоне: от 29,2% до 95,8% респондентов, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингрруппу. Разброс в ответах респондентов данной группы позволяет уверенно утверждать неопределенный и неустойчивый характер

Внутриличностная вовлеченность в этнокультурную ингруппу представителей доминантной культуры

внутриличностной вовлеченности в ингруппу американских респондентов, потомков смешанных браков.

Доля представителей доминантной культуры, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в доминантную этнокультурную ингруппу, близка к умеренно-средней и находится в пределах от 53,8% до 83,3% по различным аспектам данного психологического фактора. Мы можем утверждать, что внутригрупповая идентичность белых американцев стабильнодиффузна. Стабильно диффузная идентичность, возможно, играет негативную роль для культурного самосознания белых американцев, однако в целом для американского общества стабильно диффузная личностная идентичность доминантного большинства позитивна, поскольку создает психологическое пространство для сохранения этнокультурной идентичности представителей недоминантных этнокультурных групп и, во-первых, обеспечивает поддержание единства и целостности общества за счет расширения этнокультурного пространства, а, во-вторых, образует важное качество этого этнокультурного пространства – толерантность к иным культурам. Можно дискутировать по поводу степени этнокультурной толерантности в США к недоминантным культурам, однако следует признать сам факт того, что белая европейская культура, будучи доминантной, одновременно обеспечивает известную меру толерантности к иным этнорасовым культурам.

Категоричность межличностной вовлеченности латиноамериканцев в ингруппу

Несколько снижаются доли респондентов, констатировавших собственную межличностную вовлеченность в ингруппу. Среди латиноамериканцев межличностная вовлеченность охватывает по любым аспектам этого психологического фактора более половины респондентов и находится в пределах от 52,7% до 94,7%, то есть межличностная вовлеченность латиноамериканцев в ингруппу характеризуется категоричностью.

Среди американцев азиатского происхождения доля респондентов, констатировавших свою межличностную вовлеченность в ингруппу по различным аспектам данного психологического фактора находится в пределах от 55,2% до 89,7%, то есть также является высокой и довольно стабильной. Однако межличностная вовлеченность и, соответственно, ингрупповая идентичность американцев азиатского происхождения менее категорична – не более 90,0%, в отличие от латиноамериканцев. Возможно, это отличие объясняется большей диффузностью ингрупповых границ по сравнению с латиноамериканскими респондентами.

Относительная диффузность ингрупповых границ afroамериканской этнокультурной ингруппы

Среди afroамериканцев соответствующая доля респондентов несколько ниже, чем в первых двух упомянутых группах, и находится в пределах от 48,3% до 86,2%, то есть незначительно опускается ниже пятидесятого процента. Причина снижения межличностной вовлеченности в ингруппу по сравнению с внутриличностной вовлеченностью в ингруппу тех же afroамериканцев – в относительной диффузности и транспарентности ингрупповых границ afroамериканской этнокультурной ингруппы.

Культура afroамериканцев в современной Америке – до известной степени понятие условное и искусственное, существующее скорее для самопротивопоставления белой культуре, но не аутентично африканское. Наибольшей среди всех рассмотренных нами специфических этнокультурных групп США дистанцированность от доминантной белой культуры обеспечивает достаточно высокие показатели межличностной вовлеченности afroамериканцев в ингруппу, но эта ингруппа не имеет четких границ.

Этнокультурная гетерогенность групп американцев от смешанных браков и белых

Следующая недоминантная ингруппа, не обладающая четкими границами – американцы от смешанных браков. В этой искусственной этнокультурной ингруппе доля тех респондентов, которые констатировали свою межличностную вовлеченность в ингруппу, нестабильна и по разным аспектам данного психологического фактора варьирует в пределах от 16,7% до 91,7%. Можно обоснованно утверждать, что данная ингруппа нестабильна и по сути – не реальная, а искусственная (неспецифическая) в силу большой этнорасовой гетерогенности своего состава.

Большая этнокультурная гетерогенность характерна также для белых американцев. В нашем исследовании доминантная этнокультурная ингруппа включает в себя не только белых американцев, родившихся в разных штатах США – от Мэриленда до Аляски и Гавайских островов, – но также выходцев из таких культурно гетерогенных стран, как Италия, Великобритания, Канада, Македония и Россия. Разнородность и многочисленность этнокультурных элементов, объединяемых под общим именем доминантной (белой) культуры США, способствует диффузности данной ингруппы и уменьшению осознанности этнокультурной принадлежности. Доля белых американцев, констатировавших собственную межличностную вовлеченность в ингруппу по различным аспектам данного психологического фактора, – средняя и ниже средней (от 27,7% до

64,6%), то есть групповая идентичность белых американцев, участвовавших в нашем исследовании, мало осознанна и эта неосознанность имеет стабильный характер.

Для современного американского общества и этнокультурной идентичности американцев имплицитно характерны умеренный уровень внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,4076) и средний уровень межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,6128).

Современное американское общество в значительной степени атомизировано и индивидуализировано в этнокультурном аспекте

Средние значения по обоим факторам для американской выборки примерно равные, а конкретные межкультурные различия в степени ингрупповой идентичности американцев объясняются, во-первых, различиями в транспарентности/герметичности границ ингрупп (транспарентность сильнее в доминантной культуре и у афроамериканцев); во-вторых, величиной межкультурной дистанции, активизирующей *процесс межкультурного межгруппового сравнения*, протекание которого объясняется законом Г. Тэджфела [7].

Иными словами, современное американское общество в значительной степени атомизировано и индивидуализировано в этнокультурном аспекте. Однако раздельное существование систем этнокультурной диверсификации и дивергенции, с одной стороны, и социально-экономической дифференциации, с другой стороны, обеспечивают поддержание устойчивой стабильности американского социума.

Предпосылки для развития этнокультурной ситуации в США по пути интеграции

Отсутствие четкой и осознанной ингрупповой вовлеченности у носителей доминантной культуры создает определенные предпосылки для развития этнокультурной ситуации в США по пути интеграции [8]. Существующая в США стратегия аккультурации – ассимиляция – имеет шансы сохраниться на неопределенно долгое время, поскольку высокая внутриличностная и межличностная вовлеченность, характерная для неспецифических этнокультурных групп, вступает в противоречие с диффузным характером внутриличностной и межличностной вовлеченности представителей доминантной культуры и с открытым и толерантным характером американского социума.

Превалирование деятельностного аспекта «мы»-идентичности в российской выборке

В целом, так же как и в ингрупповой идентичности американских респондентов, в российской выборке верхние позиции заняты теми «мы»-аспектами, которые предполагают *совершение определенных действий*, связанных с *осознанной* самоидентификацией с этнокультурной группой, а нижние позиции –

теми «мы»-аспектами, которые выражают *переживание* личностью самоидентификации с этнокультурной группой. Однако, в целом средние значения по всем переменным в российской выборке выше соответствующих значений в американской выборке. Если для американских респондентов оценка действий, связанных с самоидентификацией с этнокультурной *ин*группой характеризуется в среднем ответами «согласен (согласна)» и «затрудняюсь выразить свое отношение», а оценка собственных переживаний в связи с самоидентификацией с этнокультурной группой, характеризуется ответами «абсолютно согласен» и «согласен (согласна)», то применительно к российским респондентам оценка собственных действий, связанных с самоидентификацией с этнокультурной группой, характеризуется в среднем вариантами ответов «затрудняюсь выразить свое отношение» и «не согласен (не согласна)», а оценка переживаний в связи с самоидентификацией с этнокультурной группой характеризуется в среднем вариантами ответов «согласен (согласна)» и «затрудняюсь выразить свое отношение». Мы можем из этого заключить, что среди российских респондентов *ин*групповая идентичность более диффузна, а самоидентификация с этнокультурной *ин*группой проявляется имплицитно слабее по сравнению с американскими респондентами.

Размытость границ между *ин*группами и аутогруппами в российской выборке

Межкультурное различие между американскими и российскими респондентами заключается в том, что в структуре *ин*групповой идентичности российских респондентов фактор «межличностной вовлеченности в *ин*группу» вообще никак не связан с переменной «я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе». В самом деле, принадлежность к этнокультурной *ин*группе воспринимается российскими респондентами настолько естественно, что не вызывает эмоционально-аффективных переживаний – ни ощущения счастья, ни ощущения несчастья. Это характерное для *индигенной* коллективистской российской культуры явление косвенно свидетельствует о высокой толерантности российских респондентов к этнокультурной принадлежности и о том, что в российской выборке нашего исследования этнокультурная принадлежность не играет роли детерминанты в межличностных отношениях. Этнокультурные группы в России исторически слабо обособлены друг от друга, в отличие от США, где границы между *ин*группами и *аут*группами хотя и нечетки, но вполне различимы и заметны.

Высокая рефлексивность ингрупповой идентичности россиян в сравнении с американцами

Нами выявлены межкультурные различия в приоритетах российских и американских респондентов. Ингрупповая идентичность российских респондентов более рефлексивна – об этом свидетельствует доминирование в структуре обоих факторов ингрупповой идентичности россиян переменных, отражающих большую рефлексивность внутриличностной и межличностной вовлеченности в *индигенную* коллективистскую российскую культуру, их созерцательный и пассивный характер. Российские респонденты на внутриличностном уровне вовлеченности «ощущают принадлежность», а на межличностном уровне вовлеченности «часто разговаривают». Ингрупповая идентичность американских респондентов имеет менее рефлексивный, соответственно, более прагматически ориентированный характер. В результате в структуре обоих факторов имплицитной групповой идентичности американских респондентов доминируют переменные менее рефлексивные, более прагматически и действенно ориентированные. На внутриличностном уровне вовлеченности американские респонденты «гордятся», а на межличностном уровне вовлеченности «принимают активное участие в организациях и мероприятиях».

Превалирование когнитивного аспекта вовлеченности в ингруппу у россиян

В отличие от американской выборки внутриличностная вовлеченность в *ингруппу* в российской выборке сильнее коррелирует с *когнитивными* переменными, а не с *эмоциональными* переменными, как у американских респондентов. Российскими респондентами принадлежность к этнокультурной группе в большей степени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и в меньшей степени сопровождается переживанием эмоций. Можно видеть в этом одно из проявлений большей рефлексивности «я»-концепции российских респондентов.

В *иммигрантской* индивидуалистической американской культуре позитивные эмоции респондентов и позитивное самоотношение по поводу ингрупповой самоидентификации, а более конкретно – по поводу собственной внутриличностной вовлеченности в *ингруппу*, возникают на основе отношений с другими представителями *ингруппы*, а не на основе рефлексии по поводу этих отношений. В российской выборке наблюдается обратное явление – позитивные эмоции респондентов и позитивное самоотношение в связи с ингрупповой самоидентификацией с *ингруппой* и от собственной внутриличностной вовлеченности в *инг-*

руппу возникают именно на основе рефлексии, причем как таковые отношения с другими представителями *ин*группы для российских респондентов малообязательны.

Восприятие россиянами этнокультурной *ин*групповой принадлежности как данности

В *индигенной* коллективистской российской культуре данное явление объясняется представлением об этнокультурной *ин*групповой принадлежности как о неизбежной данности, которая, в силу ее неизбежности, не требует того, чтобы ее изучали и совершали в отношении нее какие-либо активные действия либо рефлексировали по ее поводу. Российские респонденты воспринимают ее именно как данность, но не воспринимают ее в качестве побудительного стимула к совершению действий, которые бы ее подкрепляли, в отличие от американских респондентов.

В *индигенной* коллективистской российской культуре, в отличие от *иммигрантской* индивидуалистической американской культуры, межличностная вовлеченность в *ин*группу характеризуется прежде всего рефлексивными переменными, а не переменными, выражающими активно совершаемые действия. Стало быть, правомерно вести речь прежде всего о когнитивной особенности или характеристике этнокультурной идентичности – о том, что Дж. Марсиа и др. [9] называют словом «вовлеченность».

Этнокультурная рефлексивность россиян

Снова подтверждается идея Л.С. Выготского [10] о возникновении интрапсихического из интерпсихического, но у американских респондентов соответствующие переменные реально доминируют в составе фактора «межличностной вовлеченности в *ин*группу», тогда как у российских респондентов они отступают перед необходимостью отрефлексировать собственную *ин*групповую вовлеченность. Совершение активных действий, которыми характеризуется межличностная вовлеченность в *ин*группу (поддержание культурных традиций, изучение истории, традиций и обычаев этнокультурной *ин*группы), и позитивное самоощущение, рождаемое этой вовлеченностью, в российской выборке по степени важности уступают необходимости прежде всего отрефлексировать подобную вовлеченность.

Пассивно-созерцательный характер межличностной вовлеченности в *ин*группу россиян

Межличностная вовлеченность российских респондентов в этнокультурную *ин*группу характеризуется слабостью активного участия в организациях и мероприятиях, по сравнению с американскими респондентами, для которых именно активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых – представители своей этнокультурной группы,

является основной переменной, образующей фактор «межличностной вовлеченности в ингруппу». Здесь следует еще раз обратить внимание на пассивно-созерцательный характер межличностной вовлеченности в ингруппу российских респондентов. Российский респондент, как правило, всю свою жизнь проживает в окружении членов своей этнокультурной группы. Он привыкает к своей межличностной вовлеченности и перестает ее замечать. Соответственно, он мало склонен испытывать счастье по этому поводу, воспринимая собственную межличностную вовлеченность в ингруппу естественной и неизбежной. Степень активности слабо влияет на межличностную вовлеченность российских респондентов, оставляя больше свободы для личностного самоопределения и для развития синергетической автономности.

Отстраненность этнокультурной идентичности у специфических этнокультурных групп

На основании данных по обоим выборкам нашего исследования мы предполагаем, что представителями *специфических* этнокультурных групп, независимо от степени их доминантности в этнокультурном пространстве социума, собственная культурная и этническая принадлежность воспринимается как явление естественное и само собой разумеющееся, не требующее сознательной рефлексии по данному поводу, также как *архетип* не требует сознательной рефлексиирующей вовлеченности.

Вовлеченность этнокультурной идентичности у неспецифических этнокультурных групп

Напротив, от представителей недоминантной и/или *неспецифической* этнокультурной группы требуется именно сознательная рефлексия, сознательный выбор или *вовлеченность (commitment)* [11] в то, с какой культурой и этничностью себя имплицитно идентифицировать. Результатом личного сознательного выбора и сознательной *вовлеченности (commitment)* в ингруппу становится уменьшение диффузности данного «мы»-аспекта и более позитивное самоощущение в связи с собственной культурной и этнической принадлежностью, ведущие к формированию сознательно выбранного или *достигнутого* статуса [12] этнокультурной идентичности. Таким образом, предрешенный статус этнокультурной идентичности образует *архетип*, тогда как достигнутый статус этнокультурной идентичности образует *вовлеченность (commitment)*. Это положение представляется нам *этическим (универсальным)*, поскольку оно находит свое подтверждение и в американской *иммигрантской индивидуалистической* культуре и в российской *индигенной коллективистской* культуре.

Межкультурная дистанция в индигенной коллективистской культуре

Российскую выборку нашего исследования характеризуют весьма посредственные показатели степени осознанности групповой этнокультурной принадлежности, равномерно распределяющиеся по *всем* рассмотренным этнокультурным группам. Очевидно, что в *индигенной коллективистской* культуре, такой, как российская культура, межкультурная дистанция оказывается субъективно короткой, поэтому механизм, который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения [13], хотя и не перестает действовать, однако имплицитно не осознается.

Доля представителей доминантной культуры, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в доминантную этнокультурную *ин*группу, близка к умеренно-средней и находится в пределах от 47,2% до 66,3% по различным «мы»-аспектам данного психологического фактора. Среди представителей недоминантных специфических этнокультурных групп соответствующие доли респондентов оказываются в пределах от 39,1% до 69,5%. Доля респондентов, представляющих недоминантную неспецифическую этнокультурную *ин*группу россиян – потомков смешанных браков, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в *ин*группу, варьирует в диапазоне от 37,2% до 62,8% респондентов.

Внутриличностная вовлеченность россиян в *ин*группу

В доминантной этнокультурной группе нижняя граница интервала несколько выше по сравнению с недоминантными группами, независимо от степени их этнокультурной специфичности. Однако, поскольку во всех группах российской выборки интервал значений фактора внутриличностной вовлеченности характеризуется примерно одинаковыми границами, мы имеем право уверенно утверждать, что внутриличностная вовлеченность российских респондентов в *ин*группу является стабильной и весьма неопределенной.

Несколько изменяются границы интервалов, когда мы переходим к анализу данных по фактору межличностной вовлеченности. Среди представителей доминантной культуры разброс значений по различным «мы»-аспектам данного психологического фактора находится в пределах от 28,1% до 75,2%. Интервал значений «мы»-аспектов фактора межличностной вовлеченности представителей недоминантных специфических этнокультурных групп характеризуется показателями от 30,4% до 69,5%. Межличностная вовлеченность респондентов, представляющих недоминантную неспецифическую этнокультурную группу, характеризуется диапазоном значений от 21,0% до 74,7%.

Наибольший разрыв между нижней и верхней границами интервала отмечается в недоминантной неспецифической этнокультурной группе, а также в доминантной этнокультурной группе. Очевидно, что здесь межличностная вовлеченность в этнокультурную *ин*группу весьма диффузна и дисперсна, имеет нестабильный характер. В недоминантных специфических этнокультурных группах межличностная вовлеченность в этнокультурную *ин*группу более осознанна и менее диффузна.

Мы можем обоснованно утверждать, что современное российское общество и этнокультурная идентичность россиян имплицитно характеризуются весьма умеренным уровнем внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,436) и еще более умеренным уровнем межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,8154).

Значимо учитывать тысячелетние российские этнокультурные особенности

Эти значения примерно равны соответствующим американским показателям, межкультурные различия по ним несущественны. Однако этнокультурная атомизация и индивидуализация, приемлемые в *индивидуалистической иммигрантской* культуре, способны порождать напряженности в культуре другого типа – *индигенной и коллективистской*. В российской культуре нами не выявлено активного процесса межкультурного межгруппового сравнения по причине имплицитно короткой межкультурной дистанции, в отличие от американской культуры. Но для более полной этнокультурной гармонизации российского социума, на наш взгляд, необходимо, чтобы осуществление структурной модернизации в России учитывало тысячелетние российские этнокультурные особенности. Стабильно-диффузная внутриличностная и межличностная вовлеченность, характерная для российских этнокультурных групп, не должна вступать в противоречие с усилиями по трансформации исконно коллективистской российской культуры.

1. *Выготский Л.С.* Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. – Сер. 14. Психология. – 1991. – № 4. – С. 5–18. С. 15–17.

2. *Shotter J.* Cultural Politics of Everyday Life: Social Constructionism, Rhetoric and Knowing of the Third Kind. – Toronto, 1993.

3. *Ibid.*

4. *Atkinson D.R., Morten G., Sue D.W.* Counseling American Minorities: A Cross-Cultural Perspective. Dubuque, Iowa, 1979. – P. 198.

5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1983. – Т. 3.
 6. *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories. Studies in Social Psychology. – Cambridge, 1981.
 7. *Tajfel H.* Social Categorization. English MS. of La Catégorisation Sociale // Introduction a la Psychologie Sociale. – Vol. I. – Paris, 1972.
 8. *Berry J.* Psychology of Acculturation // Nebraska Symposium on Motivation: Cross-cultural perspectives. – Lincoln, 1990. – P. 201–234.
 9. *Marcia J.E. et al.* Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research. – N.-Y., 1993.
 10. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1983.
 11. *Matteson D.R.* Alienation vs. Exploration and Commitment: Personality and Family Correlaries of Adolescent Identity Statuses: Rapport fra Projekt for Ungdomsforskning. – Kjobenhavn, 1974.
 12. *Marcia J.E. et al.* Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research. – N.-Y., 1993.
 13. *Tajfel H.* Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations // European Monographs in Social Psychology. – No. 14. – L., 1978.
-

